

ББК 83.3
УДК 882

*Е. В. Никольский¹,
Варшавский университет, Польша
eugeniuss-08@yandex.com*

ОБ ОДНОМ НЕЗАВЕРШЕННОМ ЗАМЫСЛЕ А. С. ПУШКИНА (ОБРАЩЕНИЕ К ОБРАЗУ ВЕЧНОГО ЖИДА)

В статье рассмотрена пушкинская рецепция образа вечного жиды в контексте истории европейского романтизма. Высказывается предположение, что обращение Пушкина к христианской легенде продиктовано не только и не столько следованием традиции романтизма, поиском необычных мистических, «экзотических» сюжетов, сколько широкими возможностями этих сюжетов для передачи воззрений писателя на множество волнующих его религиозных вопросов. Автор статьи утверждает, что у Пушкина Агасфер – антагонист Христа, а стихотворение «В еврейской хижине лампада» является частью нереализованного религиозно-философского замысла Поэта.

Ключевые слова: русский романтизм, христианские мотивы, образ вечного жиды, библейская интертекстуальность, апокрифы, религиозные мотивы, евангельский текст, мотив покаяния

Романтическое движение зародилось в Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в. Это движение выступало за пересмотр сложившихся стереотипов рационалистического XVIII века. Романтизм восставал против мироощущения рационалистического века Просвещения с его верой в силу абстрактного разума, отстаивал самодовлеющее значение личности. Рациональной устремленности просветителей к идеальному земному устройству романтизм противопоставил стремление к бесконечному, к идеалам абсолютным и универсальным. Романтизму свойственно чувство сопричастности стремительно развивающемуся миру, включенности в мировой исторический процесс. Романтики мечтали не о частном усовершенствовании жизни, а о целостном разрешении всех

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук, магистр богословия, адъюнкт по кафедре истории русской литературы Института русистики, Варшавский университет

ее противоречий. Разлад между идеалом и действительностью приобрел в романтизме необычайную остроту и составил сущность так называемого романтического двоемирия.

Исследователи западноевропейской литературы давно отметили высокий интерес поэтов эпохи романтизма к христианской легенде. Интерес к странному, страшному, необычному соединялся у европейских романтиков с интересом к средневековому прошлому в его христианском варианте. Творчество русских романтиков в этом отношении изучено гораздо менее. А ведь именно в этих произведениях ярче всего проявляется особенность русского романтизма в сравнении с европейским. Русские романтики увидели в обращении к христианскому преданию прежде всего путь соединения романтического и христианского, попытку «исправления» байронического героя [3, 291]. Одной из самых популярных легенд, положенных в основу сюжета романтических поэм, стала легенда об Агасфере.

Агасфер – (позднелат. Ahasverus) – герой многочисленных сказаний, возникших в средние века, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечное существование за то, что не дал Христу, изнемогавшему под тяжестью креста, отдохнуть на пути к месту распятия. Окончательно легенда сложилась в эпоху крестовых походов, паломничества в Палестину, гонений на евреев.

Астролог-итальянец Гвидо Бонатти приводит один из первых европейских вариантов легенды об Агасфере («Астрономический трактат», изд. 1491). Провансальские и итальянские легенды XV в. повествовали о бессмертном еврее, скитавшемся по городам Италии. Мудрый еврей давал простым людям советы. Властители безуспешно пытались его казнить. В немецкой народной книге 1602 года иудей Агасфер – ремесленник, наказанный Богом вечными скитаниями. Таинственный образ Агасфера вдохновлял многих писателей. Ему посвящали стихи (немецкие поэты-романтики Шубарт («Вечный жид», 1783), и Ленау («Вечный жид», 1833), философские драмы (франц. писатель Э.Кине – «Агасфер», 1833). О замысле поэмы на эту тему писал Гете в эпоху «Бури и натиска»; Э. Сю рассказал о похождениях Агасфера в форме авантюрного романа-сатиры против иезуитов («Странствующий жид», 1844); Александр Дюма посвятил этому образу незаконченный роман «Исаак Лакедем» (фр. Isaac Laquedem, 1853); итальянец Артуро Графа (Arturo Graf), – драму «Фауст и Агасфер» (сборник «Poemetti Drammatici», 1891).

В России литературные обработки сюжета об Агасфере также достаточно многочисленны. Опубликованные в России (между 1803 и 1814

годами) части огромного романа польского писателя Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» содержат пространный рассказ Вечного жида о своих странствиях. Вероятно, эти отрывки и явились толчком для замысла большинства русских поэм об Агасфере. Известно, что в 1821 году Батюшков уничтожил среди многих своих неизвестных сочинений нечто (поэму?) под названием «Вечный жид» [1, 388].

Другие, дошедшие до нас обработки сюжета представлены в творчестве Кюхельбекера, Жуковского, Губера, а также Пушкина и Бернета. Интерес наших поэтов к этой средневековой легенде обусловлен характером самой легенды, сочетающей множество интересующих романтиков мотивов (мотив странничества, одиночества и др.).

В этом ключе мы проанализируем малоизвестное произведение Пушкина «В еврейской хижине лампы» («Агасфер»). Поэт был знаком с упоминаемой выше «Рукописью, найденной в Сарагосе» Потоцкого. Отрывок 1826 года, известный как «В еврейской хижине лампы», является началом неосуществленного замысла Пушкина о Вечном жиде.

К образу Вечного жида поэт в своем творчестве обращается неоднократно. Так, об Агасфере Пушкин упоминает в 3-й главе романа «Евгений Онегин», причем ставит его образ в один ряд с героями Байрона, Метьюрина, Нодье:

И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм [8, 56].

Другое упоминание о Вечном жиде встречается и в начале повести «Пиковая дама»: «Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая» [9, 228]

Об истории возникновения незавершенной поэмы «Агасфер» достоверно известно лишь то, что писал об этом в своем дневнике ближайший друг Мицкевича Франтишек Малевский, вместе с ним высланный из Польши в Россию. На вечере у Николая Полевого, издателя «Московского телеграфа», 19 февраля 1827 г. присутствовал ряд литераторов, в том числе Пушкин, Мицкевич, Вяземский, И. И. Дмитриев, Боратынский. Пушкин говорил о своем замысле

на тему «Вечного жида»: «В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: «Не плачь. Не смерть, а жизнь ужасна. Я странствующий жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался». При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи» [II, 242]. Приведем сам текст стихотворения:

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает Библию. Седые
На книгу падают волосы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. – Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоумением открывает –
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох [7, 404].

Стихотворение «В еврейской хижине лампада» является началом какого-то повествования из еврейской жизни. Об этом свидетельствуют как черновики поэта, так и дальнейшее описание обстановки и событий в «печальной хижине», где «над колыбелию пустой еврейка плачет молодая» и «сидит в другом углу, главой поникнув, молодой еврей, глубоко в думу погруженный». Здесь поэт с теплотой говорит о «молодой еврейке», «младом еврее», тогда как в других его стихах звучит и слово «жид», что до сих пор вызывает

неоднозначные реакции и трактовки. Надо сказать, что еврейских женщин он никогда не называет «жидовками». Для любвеобильного Пушкина национальность и религия женщины не имели значения. Стихотворение полно психологических деталей: горе хозяев передалось и предметам, окружающим их. «Бледная» лампада, значит болезненная, умирающая. «Седые волосы старика» кажутся особенно белыми. Какая боль в выражении «колыбель пустая!» Если в доме есть колыбель, она не должна быть пустой! В «печальной хижине» царит «безмолвие». Совсем недавно он был полон разных звуков: и смеха, и детского плача, и колыбельной песни, и всех добрых, хороших слов, сказанных ребенку. А ныне... «Поздняя трапеза» – что-то чужое для этого дома. В это время семья обычно мирно спала, радуясь тому, что завтра будет новый счастливый день. А сейчас время остановилось. И даже часы, что «текут в безмолвии», не в силах напомнить о том, что жизнь продолжается. Даже сон не смилостивится над ними.

Пустая колыбель младенца имеет не только психологическое, но религиозно-символическое значение; эта деталь повествует о том, что никакого «сына народа» у них нет. Жизнь в этой «еврейской хижине остановилась» и они вздрагивают от каждого стука в дверь, ожидая очередного погрома. Интересно, что Пушкин, который всегда очень точен в деталях, упоминает «лампаду», которой никогда не было ни в одной еврейской хижине. Этот объект появился вместе с первыми христианами, которые скрывались в пещерах от преследований. «Медные застёжки» на святой книге, которые также никогда не использовались евреями, могут символизировать, что «святая книга» закрывается медью, а медь имеет отношения к денежному эквиваленту материального мира, то же самое что и «багряницей прикрытая ложь». «Еврейская хижина», описанная в данном стихотворении, может быть также хижинкой первых христиан еврейского происхождения, уже не имеющих отношения к иудаизму. Тяжёлый стук в дверь раздаётся после того, как часы на городской колокольне (еще один анахронизм, показывающий нам символизм картины) бьют полночь. Полночь является одновременно не только символом рождения Христа. В полночь появляется всякая нечистая сила, торжествующая до первых петухов. В этом случае незнакомец, у которого в руках дорожный посох – это может быть не только Агасфер, но и антихрист...

Ю. М. Лотман в статье «Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе» развивает интересное предположение о взаимосвязи между замыслом об Агасфере и драматическом замысле под названием «Иисус». «Среди рукописей Пушкина, давно

уже вызывавших любопытство исследователей, находится список драматических замыслов, набросанный карандашом на оборотной стороне стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» [5, 281]. Этот текст Ю. М. Лотман датирует предположительно 1826 годом. Заметим, что отрывок «В еврейской хижине лампада...» Пушкин пишет примерно в это же время. Такие содержащиеся в списке заглавия, как «Моцарт и Сальери», «Д<он> Жуан», «Влюбленный бес», легко идентифицировать с известными текстами или замыслами Пушкина, место других в творчестве поэта также вполне ясно, за исключением записей «Иисус» и «Павел I».

Перечисленные здесь Пушкиным замыслы, которые в дальнейшем получили развитие, отличаются острой конфликтностью, заметной уже в заглавиях. Одни названия представляют собой имена сталкивающихся героев: Моцарт и Сальери, Ромул и Рем, другие же – оксюморон: Скупой рыцарь, Каменный гость, Влюбленный бес.

Ю. М. Лотман рассуждает по аналогии: «Ключом к реконструкции замысла об Иисусе должно быть предположение о сюжетном антагонисте, которого Пушкин собирался противопоставить главному герою» [5, 282]. Таким антагонистом как раз мог быть Вечный жид. «Можно предположить, – пишет Ю. М. Лотман, – что началом реализации темы Христа было, как мне любезно подсказал В. Э. Вацура, обращение к образу Агасфера, с которым, по-видимому, читатель встречается в конце отрывка «В еврейской хижине лампада...» Только после этого можно будет строить гипотезы об эпизодах биографии Христа, которые могли быть отобраны для драмы» [5, 289].

Итак, у Пушкина Агасфер – антагонист Христа. Замысел Пушкина несколько проясняется: в поэме (по нашему мнению, в пользу того, что от замысла драматического произведения Пушкин перешел к замыслу поэмы, свидетельствует сохранившийся отрывок) автор хотел обратиться к христианской теме.

Д. Д. Благой, изучая лирику Пушкина второй половины 20-х годов, анализирует и объединяет в своего рода цикл ряд стихотворений, в которых с наибольшей силой отразилось состояние духовной борьбы в душе Пушкина накануне перелома. Это «Зимняя дорога», рассматриваемый нами отрывок «В еврейской хижине лампада», «Три ключа», «Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный», «Зимнее утро», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Безумных лет угасшее веселье». По мнению Д. Д. Благого, «Зимняя дорога» и неосуществленный замысел «Вечного жиды» окрашены

настроениями грусти, тоски, отчаяния, пути преодоления которых намечались в остальных произведениях цикла.

О «Вечном жиде» Д. Д. Благой пишет: «Выразительнее всего здесь та формула, в которой заключен пафос произведения и которая ярко отражает личные настроения поэта, вернувшегося из ссылки и оказавшегося совсем в иной общественной обстановке – на фоне зловеще чернеющих виселиц, на пепелище раздавленного восстания: «Не смерть, жизнь ужасна» [2, 127].

Однако исследования Ю. М. Лотмана и В. Э. Вацура о единстве замыслов «Иисус» и «Агасфер» все же допускают и другое истолкование этой формулы: поэт делает акцент не на том, что «ужасна жизнь», а на том, что смерть не так ужасна, как это кажется безутешной матери. Земная жизнь ужасна, когда бесконечна. Эта мысль также могла быть дорога вернувшемуся из ссылки поэту.

Пушкинское отношение к смерти претерпело некоторые изменения с течением времени. От уныло-элегической интерпретации темы смерти в лицейский период и эпикурейской в петербургский Пушкин постепенно приходит к православному пониманию смерти, когда «жизнь и смерть не составляют основы противопоставления: они снимаются в едином понятии бытия – достойного или лживого» [6, 118].

«Вспомним удивительно спокойное и естественное отношение к смерти русских крестьян, так восхищавшее и Толстого, и Тургенева, и Лескова. Не совпадает ли оно по настроению, по общему духу со светлым, гармоническим восприятием смерти Пушкиным, видевшего в ней связующее звено прошедшего с будущим, закономерный этап человеческой жизни, в котором своеобразно отражается эта жизнь целиком» [4, 180].

Возможно, шагом на пути к такому пониманию смерти стало осмысление Пушкиным христианской легенды о Вечном жиде.

Пушкин написал экспозицию и успел лишь мельком показать портрет Агасфера. В экспозиции Пушкин тщательно прорисовывает всю обстановку бедной еврейской хижины. Появление Агасфера загадочно:

...Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоуменьем отворяет –
И входит незнакомый странник.
В руке его дорожный посох [7, 405].

Романтическими элементами здесь являются мотив тайны, мотив странничества, а также должная последовать далее исповедь Агасфера (о чем на вечере у Полевого свидетельствует Пушкин).

Поэма так и остается незаконченной. Но это не значит, что Пушкин забыл о своем замысле. В 1836 году, за год до смерти, он начнет стихотворение «Альфонс садится на коня» – произведение на сюжет того же Потоцкого, десять лет назад вдохновившего Пушкина начать поэму об Агасфере. Завершить «Вечного жида», возможно, помешала поэту ранняя смерть.

Интересно, что М. О. Гершензон в своей статье «Мудрость Пушкина» сравнивает с Агасфером самого Пушкина: «Пушкин был европеец по воспитанию и привычкам, образованный и светский человек 19-го века. И всюду, где он высказывал свои сознательные мнения, мы узнаем в них просвещенный, рационально-мыслящий ум. <...> Но странно: творя, он точно преображается; в его знакомом, европейском лице проступают пыльные морщины Агасфера, из глаз смотрит тяжелая мудрость тысячелетий, словно он пережил все века и вынес из них уверенное знание о тайнах» [10, 212].

Таким образом, обращение Поэта к христианской легенде продиктовано не только и не столько следованием традиции романтизма, поиском необычных мистических, «экзотических» сюжетов, сколько широкими возможностями этих сюжетов для передачи авторских воззрений на множество волнующих их религиозных вопросов. То, что может показаться проявлением пессимизма, апофеоза страданий и упадка духа Поэта, переставшего заниматься «злостью дня», было результатом глубоких раздумий, многолетних философских исканий, приведших к полному отречению от гордыни, от самонадеянности человека. В финале нам остается только признать некоторую условность наших реконструкций и интерпретаций, а также выразить сожаление, что данный замысел так и не был реализован.

Литература

1. Афанасьев, В. В. Жуковский / В. В. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 399 с.
2. Благой, Д. Трагедия и ее разрешение (об одном цикле лирики Пушкина) / Д. Д. Благой // Вопросы литературы. – 1957. – № 1. – С. 118–143.
3. Винницкий, И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского / И. Ю. Винницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.

4. Кибальник, С. А. Смерть у А. С. Пушкина как поэтическая и религиозная тема / С. А. Кибальник // Христианство и русская литература. Сборник статей. – СПб.: Наука, 1994. – С. 157–184.
5. Лотман, Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – 847 с.
6. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
7. Пушкин, А. С. Собр. соч. в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1974–1978. – Т. 3.
8. Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – 528 с.
9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Издательство АН СССР, 1937. – Т. 6.
10. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений / А. С. Пушкин. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 8.
11. Юрьева, И. Ю. Пушкин и христианство: сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием / И. Ю. Юрьева. – М.: ИД «Муравей», 1999. – 277 с.

A. S. PUSHKIN'S INCOMPLETE CONCEPTION
(APPEAL TO THE IMAGE OF THE ETERNAL JEW)

E. V. Nikolsky

Abstract

The article considers Pushkin's reception of the image of the eternal Jew in the context of the history of European romanticism. It is suggested that the Poet's appeal to the Christian legend is dictated by not only following the tradition of romanticism, the search of mystical unusual, «exotic» plots but their wide range of opportunities for transferring the author's views on a set of religious questions concerning them. The author claims that Pushkin's the wandering Jew is Christ's antagonist, and the poem «In the Jewish Hut Icon Lamp» is a part of an unrealized religious and philosophical conception of the Poet.

Key words: Russian romanticism, Christian motifs, the image of the wandering Jew, biblical intertextuality, the Apocrypha, religious motives, the text of the gospel, the motif of repentance